

Необходимо заметить, что автор книги «Хлебников и авангард» в ходе своих рассуждений приводит много полезных ссылок на имена, работы, непосредственно связанные с развиваемой ею темой. Это поможет любому заинтересовавшемуся читателю сориентироваться в данном вопросе и обратиться к нужному источнику.

Что касается заключительной, третьей части книги, а именно «Палиндромного апокалипсиса» Дубравки Ораич Толич в переводе Радомира Вентурина, то лучше целиком оставить этот поэтический финал на суд читателей. Стоит лишь сказать, что произведение состоит из пяти Криков.

Книга Д. Ораич Толич вызывает противоречивые ощущения. На это есть несколько причин. Некоторые уже были перечислены. Стилистическая разнородность, желание охватить разные аспекты творчества Хлебникова и поместить их в контекст авангарда в целом, а также анализ отдельных образов и мотивов местами породил некую лоскутность повествования, хотя внутри каждой главы автор стремится к обобщению накопленных фактов и их систематизации. Насыщенность текста терминологией, с одной стороны, кажется избыточной, затрудняющей восприятие, а с другой – с точки зрения собственно филологического подхода термины подобраны точно. Не будет ли «спотыкаться» заинтересованный читатель, взяв в руки эту книгу о Хлебникове? Или же она адресована исключительно специалистам? Во всяком случае, благодаря эмоциональности автора эта книга могла бы найти отклик у отзывчивых любителей футуристической поэзии.

В аннотации, написанной Йосипом Ужаревичем, сказано: «Перед нами интересная, полезная, стимулирующая книга, которая удачно соединяет интуицию, игру и научную дисциплинированность» (с. 2). Пробежав глазами это высказывание на обложке, можно не придать ему какого-либо значения. Но в процессе чтения все чаще возвращаешься к этой формулировке. Она справедлива. Книга интересна. Полезна, так как предлагает свой вариант систематизации представлений об авангарде. Ее можно назвать стимулирующей: она вызывает читателя поучаствовать в «дискуссии» с автором. И она действительно сочетает в себе научную основу, интуитивные находки и игру.

А.Е. Харитонова

Сведения об авторе: Харитонова Анна Евгеньевна, студентка 3-го курса бакалавриата филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: annakha93@mail.ru

Hrdlička M. Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010. 248 с.

Принадлежащая перу директора Института богемистических исследований (Ústav bohemistických studií) философского факультета Карлова университета в Праге рецензируемая книга посвящена основным аспектам изучения и преподавания чешского языка как иностранного и представляет собой переиздание (в ряде случаев с определенными сокращениями) его наиболее значимых статей по данной проблематике, опубликованных в 1995–2009 гг. в Чехии и за рубежом, см. их библиографическое описание, а также отсылки на близкие по тематике работы их автора в [Hrdlička, 2010: 237–245].

В **первой главе** рассматривается содержание интердисциплинарной по своей сути специальности «чешский язык как иностранный», подвергшееся в последние десятилетия существенным изменениям, связанным в свою очередь с изменившейся геополитической ситуацией. После вхождения Чехии в Евросоюз не просто существенно увеличилось число изучающих чешский язык, но и дифференцировались их потребности: одни собираются в Чехии получать (или продолжать) профессиональное образование, другие – работать или заниматься предпринимательством, третьи получают здесь политическое убежище и т. д. Наконец, огромное количество жителей соседних стран регулярно приезжают в Чехию на выходные для пешего или велосипедного туризма (отметим в этой связи, что, например, в средних и высших учебных заведениях Саксонии по статистике за 2012 г. чешский язык уступал из живых иностранных языков лишь английскому, французскому, русскому и испанскому [Воробьева, Изотов, 2013]). Тем самым насущной стала потребность как в разграничении понятий «чешский как иностранный» и «чешский как второй язык» (первый изучают туристы, второй – те, кто собирается в Чехии проживать, ср. принятые в англистике EFL и ESL [Harmer, 2007: 12–13]), так и в разграничении учебных программ для специальностей «преподаватель чешского языка [для его носителей]» и «преподаватель чешского языка для иностранцев». Последняя специальность предполагает, помимо собственно богемистических знаний, также профессиональное владение английским и хотя бы еще одним иностранным языком, ориентирование в сравнительно-сопоставительной и типологической проблематике, владение современными методиками преподавания и умение разрешать конфликтные ситуации. Далее отмечаются культурологический, исторический, социолингвистический, психолингвистический и этнографический компоненты (с. 21–22).

Отмечаются заслуги тех, кто стоял у истоков формирования новой дисциплины и излагается история Института богемистических исследований, характеризуются основные обеспечиваемые им в настоящее время формы обучения, а именно: (1) профессиональная подготовка преподавателей чешского языка как иностранного (в настоящее время реализуются учебные

программы подготовки бакалавра, магистра и доктора, см. [Воробьева, Изотов 2013]); (2) преподавание чешского языка для иностранных студентов-небогемистов (4 часа в неделю практического языка на 1 курсе и 2 часа в неделю на 2 курсе); (3) курсы для стажеров (пять уровней исходных знаний чешского языка); (4) годовой курс (12 недель в зимнем семестре и 12 недель в летнем) чешского языка, истории, литературы, культуры, готовящий иностранцев для учебы в чешских вузах; (5) летняя школа славянских исследований (Letní škola slovanských studií) – месячный интенсивный курс (120 академических часов) для слушателей различных уровней от нулевого до профессионального.

Вторая глава посвящена анализу так называемого коммуникативного метода, который рассматривается как наиболее подходящий для целей и задач преподавания чешского языка иностранным слушателям. Описывается история его возникновения в контексте иных методов (аудиооральный метод в США, ситуационный метод в Британии, аудиовизуальный во Франции и т. д.) и его использование в современной практике. Особо отмечается, что коммуникативный метод отнюдь не предполагает отрицания системной подачи грамматического и лексического материала, как это порой происходит в декларативно «коммуникативных» учебниках, которым сейчас несть числа. Не вполне удачное использование основных принципов коммуникативного метода иллюстрируется на материале весьма популярного у преподавателей коммерческих курсов чешского языка для иностранцев и регулярно переиздаваемого учебника [Parolková, Nováková, 2001].

Особую ценность для зарубежного богемиста представляет, без всякого сомнения, **третья глава**, посвященная лингвистическим и лингводидактическим аспектам стратификации современного чешского языка. Дело в том, что весьма сложной является не только сама современная чешская языковая ситуация, но и ее интерпретации ведущими богемистами. И если полвека назад П. Сгалл, инициировавший дискуссию о статусе и перспективах того, что в советской богемистике стало принято называть «обиходно-разговорным чешским языком» [Сгалл, 1960], получил суровую отповедь от самого академика Б. Гавранека и его не менее именитых коллег, см. [Белич, Гавранек, Едличка, Травничек, 1961; Navránek, 1963], то сейчас, уже сам, став признанным авторитетом, он вновь завязал на страницах ведущего чешского лингвистического журнала Slovo a Slovesnost на ту же тему не менее эмоциональную дискуссию, в которой на обеих сторонах участвовали богемисты мирового уровня, ср. [Čermák, Sgall, Vybíral, 2005; Kořenský, 2005; Oliva, 2005].

Несколько огрубляя положение вещей, можно констатировать, что на большей части современной Чешской Республики (западные две трети ее территории) сложилась ситуация, близкая к ситуации классической диглоссии, когда в качестве «высокого идиома» выступает «литературный чешский язык» (spisovná čeština), а в качестве «низкого идиома» – «обиходно-разговорный чешский язык» (obecná čeština), подробнее см. [Изотов, 2013b]. На оставшейся восточной трети территории Чешской Республики в аналогичные диглосные отношения с литературным чешским языком может вступать местный диалект или интердиалект. Речь идет о центрально-моравском интердиалекте (obecná hanačtina = obecná středomoravština),

моравско-словацком интердиалекте (obecná moravská slovenština), а также о моравско-силезском интердиалекте (obecná laština), при этом степень сформированности данных интердиалектов весьма различна. Эта «диглоссность» чешской языковой ситуации может отрицаться вообще, либо может признаваться с оговорками (например, как «постдиглоссность»).

Помимо терминов spisovná čeština и obecná čeština весьма употребительным является также термин hovorová čeština, традиционно переводимый на русский язык как «разговорный стиль чешского литературного языка». По замыслу богемистов Пражского лингвистического кружка, которые ввели его в обиход в рамках «теории языковой культуры», речь идет об идиоме, призванным С КАКИМ СЛОВОМ СОГЛАСУЕТСЯ??? использоваться в ситуациях неофициального общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский язык», и выступающим С КАКИМ СЛОВОМ СОГЛАСУЕТСЯ??? в роли своего рода фильтра, через который элементы «обиходно-разговорного чешского языка» или диалектизмы проникают в литературный язык, обогащая и развивая его.

К сожалению, в термины obecná čeština, hovorová čeština, а также в труднопереводимый, однако весьма употребительный термин běžně mluvená čeština (букв. «обиходный чешский») различные исследователи порой вкладывают совершенно различное содержание, понимая их и в плане сосюрковского langue, и в плане parole, совершенно по-разному соотнося их между собой, а также с классическим термином spisovná čeština и с новомодным термином standardní čeština (букв. «стандартный чешский»).

В рецензируемой книге предлагается компактное и вместе с тем максимально информативное изложение взглядов на данную ситуацию ведущих чешских и зарубежных богемистов от Гавранека и Белича до ныне живущих авторов, а также подробная библиография основных работ по данной проблематике (с. 66–70). Естественно, мы не можем поставить автору в вину, что эта библиография не смогла включить в себя вышедшие уже после сдачи книги в печать концептуальные работы [Bermel, 2010] и [Mluvená..., 2011].

Весьма ценно и мнение автора относительно того, какой же чешский язык из перечисленных (spisovná/standardní čeština, hovorová čeština, běžně mluvená čeština) следует преподавать иностранцам.

Дело в том, что в некоторых новомодных «коммуникативных» учебниках чешского языка для иностранцев, авторы которых решили не нагружать читателей лишней, по их мнению, грамматической премудростью, а знакомить их с «живым» чешским языком, обиходно-разговорные формы подаются на первых же занятиях, причем не вместе с соответствующими литературными формами, а **вместо** них. Это обычно мотивируется ссылкой на жалобы тех, кто якобы прилежно изучал у себя дома «литературный чешский язык», однако, впервые попав в Чехию, оказался в глупом положении, совершенно не понимая «обиходно-разговорного чешского» окружающих. Однако в данном случае масштаб расхождений между литературным и обиходно-разговорным чешским языком явно преувеличивается. Языковой шок, который могут испытать впервые попавшие в страну изучаемого языка и там столкнувшиеся с «языком улицы», – достаточно обычное явление для любой страны, особенно если речь идет о не очень хорошем владении

соответствующим языком. Как показывает практика, среди слушателей Института богемистических исследований лишь около 5 % владеют чешским на продвинутом уровне, и они-то никаких проблем с пониманием обиходно-разговорного чешского языка не испытывают (с. 78).

Бесспорно, изучающий чешский язык должен иметь представление и о его нелитературных формах, однако на начальном этапе обучения приоритет должен отдаваться языку литературному, в поддержку чего можно сказать прежде всего следующее:

Во-первых, в сложившейся мировой практике преподавания языка иностранцам базовым является наиболее социально престижный идиом (трудно себе представить, чтобы, например, подготовка зарубежного германиста началась с изучения баварского диалекта или берлинского просторечья). Далее, от иностранца, как правило, ожидается следование литературной норме (включая произносительную), любые отклонения от которой воспринимаются большинством рядовых носителей языка однозначно негативно. Наконец, использование литературного языка в целом ряде ситуаций официального общения обязательно (с. 76). К этому добавим, что литературный язык в принципе универсален, он применим во всех сферах коммуникации и на всей территории Чешской республики, тогда как обиходно-разговорный чешский неуместен на большей части Моравии и Силезии и недопустим в официальных сферах общения.

В результате более серьезные проблемы с коммуникацией могут быть как раз у того, кто выбрал обиходно-разговорный чешский вместо литературного. Да и учить обиходно-разговорный язык с его не до конца устоявшейся нормой и широкой вариативностью гораздо сложнее: например, вместо одной литературной формы творительного падежа числительного *čtyři* 'четырьмя' надо выбирать из возможных обиходно-разговорных вариантов *čtyřma*, *čtyřma*, *štyřma*, *štyřma*, ... (с. 79).

Как показало пилотажное анкетирование слушателей Института богемистических исследований, интерес к углубленному изучению обиходно-разговорного чешского языка характерен для студентов с высоким уровнем языковой компетенции (прежде всего для иностранцев-славян), студентов же начального уровня возможность и/или необходимость выбора из нескольких возможных вариантов часто сбивает с толку и воспринимается ими как гандикап (с. 74).

Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что хотя зарубежный богемист должен с самого начала получать адекватное представление о стилистической и функциональной стратификации языка чешской нации, слишком раннее активное освоение морфологических особенностей обиходно-разговорного чешского языка (а именно на них обычно обращают внимание, см. [Изотов, 2005]) может привести к формированию нежелательного «гибридного» способа выражения, который вроде бы позволяет студенту успешно общаться (он понимает реплики собеседников, а собеседники понимают его) и лишает его стимула для дальнейшего обучения. Как показывают многолетние наблюдения автора, обучение обиходно-разговорному языку после освоения языка литературного гораздо эффективнее, чем наоборот (с. 82).

Как справедливо отмечает автор, на начальном и средне-продвинутом этапе гораздо продуктивнее знакомство студента с фонетической и лексической стороной обиходно-чешского языка (с. 82). Отметим, однако, что в существующих словариках чешской обиходно-разговорной лексики, которые могут формироваться на основе интуиции составителя, как в [Sgall, Hronek, 1992: 134–170], либо на основе выборки снабженной соответствующей пометой лексики, как в [Изотов, 2009: 60–88], отсутствуют данные о реальной употребительности тех или иных единиц в современной чешской речи. Поэтому, если мы решим не удовлетворяться собственной интуицией, нам предстоит весьма нелегкая, хотя технически и решаемая обращением к корпусному материалу (см. [Изотов, 2013а]) задача по выявлению среди моря обиходно-разговорной лексики тех единиц, которые должны изучаться в первую очередь, во вторую очередь и т. д.

Анализ нескольких популярных учебников чешского языка для иностранцев ([Čechová, Trabelsiová, Putz, 1993; Naughton, 1987; Roubalová 1996; Vlasák, Šára, Šárová et al., 1969]) иллюстрирует следующие недостатки в подаче обиходно-разговорного материала: (а) произвольное смешение книжных, нейтральных и разговорных выразительных средств; (б) нежелательный «гибридный» способ выражения (code-mixing); (с) неудачная стилизация под обиходно-разговорный язык, учитывающая исключительно морфологические аспекты и игнорирующая аспекты лексические; (d) отсутствие квалифицированного комментария [с. 86–88].

Четвертая глава посвящена проблемам подачи грамматического материала в учебниках чешского языка для иностранцев. Автор вновь подчеркивает, что коммуникативный подход к преподаванию отнюдь не предполагает игнорирования или симплификации грамматического материала (с. 91). Отметим попутно, что лингводидактические аспекты чешской грамматики подробно рассматриваются в монографии автора [Hrdlička, 2009]. Особое внимание в главе уделяется глагольным категориям вида (с. 110–116) и времени [с. 117–121], традиционно сложным для иностранцев-неславян.

В **пятой главе** рассматриваются некоторые социокультурные аспекты преподавания чешского языка как иностранного. Обращая внимание на то, что, по данным [Encyklopedický..., 2007: 126], за пределами Чешской Республики живет около двух миллионов (!) этнических чехов, автор предлагает учитывать соответствующие идиомы при описании единого чешского языка, потому что иначе не придется ли, например, рассматривать «техасский чешский» (равно как «венский чешский», «банатский чешский» и т. д. – *А. И.*) как самостоятельный западнославянский язык? (с. 129). Учитываться должны также, по мнению автора, такие гибридные реализации чешского национального языка, как, например, язык чешских глухонемых, язык чешских цыган и, наконец, язык сотен тысяч мигрантов, имеющих в Чехии вид на жительство [с. 128–129]. Вспоминая малоизвестный факт обсуждения передачи Чехословакии по репарациям немецкой колонии Того, автор фантазирует о нереализованной возможности создания на базе чешского креольских и пиджин языков [с. 128].

Отметив, что, обращаясь к проблеме соотношения языка и национального характера, исследователь находится на тонком льду, автор рассказывает о предпринимавшихся в недавнем прошлом попытках связывать особен-

ности чешского менталитета с такими особенностями чешского языка и чешского речеупотребления, как фиксированное ударение на первом слоге, обилием уменьшительно-ласкательных наименований, обилие топонимов с пейоративной внутренней формой типа *Hrdlořezy* (с. 136–137). Рассматриваются и некоторые другие особенности чешского языка, а также современной чешской речи, которые могли бы иметь отношение к данной проблематике (с. 137–139).

Шестая глава посвящена таким отдельным лингводидактическим проблемам, как проблема освоения иноязычного кода (с. 143–153), «центр» и «периферия» в лингводидактике (с. 154–160), концепции курсов чешского языка для тех или иных типов обучаемых (с. 161–167).

В **седьмой главе** на богатейшем материале рассматриваются особенности употребления чешских предлогов, вызывающие проблемы при преподавании чешского языка иностранцам (с. 169–214). Отметим, что речь идет о хорошо знакомой автору проблематике, см. [Hrdlička, 2000].

Восьмую главу составляют своего рода языковые медалионы – лаконичные рассуждения о тех или иных непростых (даже для носителя чешского языка) случаях чешского речеупотребления, ранее публиковавшиеся автором в чешских журналах *Naše řeč*, *Češtinář*, а также в польском журнале *Bohemistyka*. Говоря о чешском императиве, автор выходит за рамки соответствующей морфологической категории, отмечая крайне интересные случаи грамматикализованной транспозиции наклонения, лица и числа, см. также [Изотов, 2008]. В эссе о числительном «пять» весьма интересно наблюдение автора сопровождающими счет от одного до пяти над соматическими жестами представителей разных культур: чехи считают, постепенно разгибая пальцы сжатой в кулак правой или левой руки, начиная с большого пальца и заканчивая мизинцем; в Соединенных Штатах, а также в некоторых других странах счет начинается с разгибания указательного пальца, продолжается в сторону мизинца и заканчивается большим пальцем; в некоторых областях Канады первым разгибается мизинец, а последним – большой палец; в Финляндии не разгибают, а загибают пальцы начиная с мизинца, сходную ситуацию автор предполагает и для России (с. 218).

Суммируя сказанное, безусловно рекомендуем рецензируемую книгу широкому кругу славистов как необычайно для них, особенно для богемистов, полезную.

Список литературы

- Белич Я., Гавранек Б., Едличка А., Травничек Ф. К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 44–51.
- Воробьева Н.В., Изотов А.И. Чешский язык в мире и мир в чешском языке: VII Международный симпозиум о чешском языке за рубежом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 5.
- Изотов А.И. Чешский язык: Учебное пособие по развитию уст. речи на материале видеофильмов. М., 2005.
- Изотов А.И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М., 2008.

- Изотов А.И. Обиходно-разговорный чешский язык: материалы к словарю // Язык, сознание, коммуникация. 2009. № 38. С. 55–88.
- Изотов А.И. Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2013 а. № 4–1?ТАК. С. 68–71.
- Изотов А.И. Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2013 б. № 1. С. 52–60.
- Сгалл П., Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 11–20.
- Bermel N. O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost, 71. Praha, 2010. № 1. S. 5–30.
- Čechová E., Trabelsiová H., Putz H. Do you want to speak Czech? Chcete mluvit česky? Česká Lípa, 1993.
- Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P. Od školské spisovnosti ke standardní češtině // Slovo a Slovesnost. 66. Praha, 2005. № 2. S. 103–115.
- Encyklopedický slovník češtiny / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2007.
- Harmer J. How to teach English. Pearson Longman, 2007.
- Havránek B. Na závěr dvouleté diskuse o obecné a hovorové češtině // Slovo a Slovesnost 24. 1963. № 4. S. 254–262.
- Hrdlička M. Předložky ve výuce češtiny jako cizího jazyka. Praha: Karolinum, 2000.
- Hrdlička M. Gramatika a výuka češtiny jako cizího jazyka: K prezentaci gramatiky českého jazyka v učebnicích češtiny pro cizince. Praha: Karolinum, 2009.
- Hrdlička M. Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010.
- Kořenský J. K článku Od školské spisovnosti ke standardní češtině: reakce na výzvu k diskusi // Slovo a Slovesnost, 66. Praha, 2005. № 4. S. 270–277.
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011.
- Naughton J. D. Colloquial Czech. L.; N. Y.: Routledge & Kegan Paul, 1987.
- Oliva K. Požadavky na úroveň diskuse o spisovné/standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. Praha, 2005. № 4. S. 278–290.
- Parolková O. Nováková J. Czech for Foreigners. Praha, 2001.
- Roubalová E. Učíme se česky. Praha: Karolinum, 1996.
- Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha: H&H, 1992.
- Vlasák V., Šára M., Šárová J. et al. Čeština pro cizince. Le tchèque sur la base du français. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1969.

Сведения об авторе: Изотов Андрей Иванович, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru

